

**ЛЮДМИЛА
УЛИЦКАЯ**

**ЛЮДМИЛА
УЛИЦКАЯ**

**Лестница
Якова**

РОМАН

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

Оглавление

ГЛАВА 1	
Ивовый сундучок (1975)	13
ГЛАВА 2	
Часовая мастерская на Мариинско-Благовещенской (1905–1907)	44
ГЛАВА 3	
Из сундучка. Дневник Якова Осецкого (1910)	54
ГЛАВА 4	
Закрытый Чехов (1974–1975)	76
ГЛАВА 5	
Новый проект (1974)	82
ГЛАВА 6	
Одноклассники (1955–1963)	89
ГЛАВА 7.	
Из сундучка. Дневник Якова Осецкого (1911)	104
ГЛАВА 8	
Сад величин (1958–1974)	110
ГЛАВА 9	
Смотрины (1975–1976)	126
ГЛАВА 10	
Фребеличка (1907–1910)	136
ГЛАВА 11	
Письмо Михаила Кернс сестре Марии (1910)	142

ГЛАВА 12	
Особенный Юрик. Йеху и гуингмы (1976–1981)	148
ГЛАВА 13	
Главный год (1911)	172
ГЛАВА 14	
Женская линия (1975–1980)	189
ГЛАВА 15	
Неприкрашенный человек (1981)	197
ГЛАВА 16	
Тайный брак (1911)	211
ГЛАВА 17	
Из сундучка. Записные книжки Якова (1911)	220
ГЛАВА 18	
Марусины письма (декабрь 1911)	229
ГЛАВА 19	
Первый класс. Ногти (1982)	233
ГЛАВА 20	
Из сундучка. Письма Якова. Вольноопределяющийся Осецкий (1911–1912)	238
ГЛАВА 21	
Счастливый год (1985)	243
ГЛАВА 22	
Из сундучка. Письма с Урала и на Урал (октябрь 1912 — май 1913)	260
ГЛАВА 23	
Новое направление (1976–1982)	300
ГЛАВА 24	
Кармен (1985)	308
ГЛАВА 25	
Брильянтовая дверь (1986)	315
ГЛАВА 26	
Из сундучка. Переписка Якова и Марии (май 1913 — январь 1914)	321

ГЛАВА 27	
Нора в Америке. Встреча с Витей и Мартой (1987)	347
ГЛАВА 28	
Левая рука (1988–1989)	355
ГЛАВА 29	
Рождение Генриха (1916)	363
ГЛАВА 30	
Исходы (1988–1989)	370
ГЛАВА 31	
Лодка на тот берег (1988–1991)	384
ГЛАВА 32	
Из сундучка. Семейная переписка (1916)	397
ГЛАВА 33	
Киев — Москва (1917–1925)	423
ГЛАВА 34	
Юрик в Америке (1991–2000)	430
ГЛАВА 35	
Письма Марии Якову из Судака (июль–август 1925)	468
ГЛАВА 36	
Леди Макбет Мценского уезда (1999–2000)	485
ГЛАВА 37	
Узун-Сырт — СТЗ (1925–1933)	496
ГЛАВА 38	
Первая ссылка. СТЗ (1931–1933)	507
ГЛАВА 39	
Возвращение Юрика (январь 2000)	521
ГЛАВА 40	
Из сундучка. Бийск. Письма Якова (1934–1936)	533
ГЛАВА 41	
Пятая попытка (2000–2009)	572

ГЛАВА 42	
Семейные тайны (1936–1937)	583
ГЛАВА 43	
Война. Письма из сундучка (1942–1943)	611
ГЛАВА 44	
Вариации на тему “Скрипача на крыше” (1992)	628
ГЛАВА 45	
Около Михоэlsa (1945–1948)	642
ГЛАВА 46	
Московская встреча (2003)	654
ГЛАВА 47	
Театр теней (2010)	666
ГЛАВА 48	
Освобождение (1955)	676
ГЛАВА 49.	
Рождение нового Якова (2011)	693
ГЛАВА 50.	
Архив (2011)	701
Эпилог	723
Генеалогическое древо семьи Осецких	727
Благодарность родственникам и друзьям	731

Лестница Якова

*...продленный призрак бытия
синеет за чертой страницы,
как завтрашние облака,
— и не кончается строка.*

Владимир Набоков

ГЛАВА 1

Ивовый сундучок

(1975)

Младенец был прекрасен с первой минуты появления на свет — с заметной ямкой на подбородке и аккуратной головкой, как будто из рук хорошего парикмахера: короткая стрижка, точно как у матери, только волосы посветлее. И Нора его сразу же полюбила, хотя заранее не была в себе уверена. Ей было тридцать два года, и она считала, что уже научилась любить людей по заслугам, а не просто так, из-за родственной близости. Младенец оказался вполне достоин немотивированной любви — спал хорошо, не орал, сосал исправно, разглядывал с большим интересом сжатые кулачки. Дисциплину он не соблюдал: спал то два часа, то шесть без перерыва, просыпался, делал чмоки в пустой воздух — и Нора сразу прикладывала его к груди. Она тоже дисциплины не любила, так что отметила это общее свойство.

С грудью произошли сказочные изменения. Еще во время беременности она красиво вспухла и, если прежде на плоском блюдечке торчали одни соски, теперь, когда пришло в изобилии молоко, грудь стала очень важной птицей. Нора смотрела на нее с уважением, ощущая странную приятность этого изменения. Хотя физически это было скорее неприятно — постоянное

натяжение и неудобство. В самом кормлении содержалась посторонняя, к делу не относящаяся подозрительная сладость... Прошло уже три месяца, как он появился, и он назывался уже не “младенец”, а Юрик.

Поселен он был в комнате, прежде считавшейся маминой и ставшей ничейной после окончательного переезда Амалии Александровны в Приокско-Террасный заповедник к мужу Андрею Ивановичу. За две недели до родов Нора комнату наскоро побелила и Юрик был помещен туда в белой реквизитной кровати из второго акта “Трех сестер”. Сейчас это уже не имело никакого значения, но в прошлом сезоне весь театр содрогался от скандала, связанного с закрытием этого спектакля. Нора была художник-постановщик, режиссер — Тенгиз Кузиани.

Тенгиз, когда улетал в Тбилиси, сказал, что в Москву больше не вернется. Через год позвонил Норе, сообщил, что его пригласили в Барнаул, на постановку “Бесприданницы”, и он раздумывает. В конце разговора предложил поехать с ним художником-постановщиком... Он как будто не знал, что у Норы родился ребенок. Или делал вид? Это и удивительно: неужели на этот раз закулисное радио сплеховало? Театральный мир — поганая помойка, где частная жизнь всегда выворачивалась наизнанку, публиковалась любая незначительная деталь, а уж кто кого любил — не любил, кто с кем случайно пересекался на гастрольных простынях провинциальных гостиниц и от кого какая актриска сделала аборт — мгновенно распространялось.

К Норе это отношения не имело — она не была звездой. Всего-то и было, что блестящий провал. Ну, еще родила ребенка. Молчаливый вопрос театральной общественности: от кого? Про ее роман с режиссером было всем известно. Но муж ее был не театральный,

“из публики”, да и сама она — так, молодой художник, только начинающий делать карьеру. И, кажется, закончивший... По этим причинам большого внимания театральная шушера ей не уделила — ни шепота за спиной, ни переглядываний. Все это теперь не имело никакого значения — из театра она уволилась..

Юрик с восьми часов не спал. К девяти Нора ждала медсестру Таисию — делать прививку, но шел уже одиннадцатый час, а та все не появлялась. Нора пошла в ванную стирать. Звонок услышала не сразу, выскочила, открыла дверь. Таисия с порога затрещала... Она была не просто медсестра из детской консультации, но человеком миссии: воспитывала неразумных мамочек, приобщала их к великому таинству взращивания младенцев, а попутно делилась с ними вековой женской мудростью, наставляла в семейной жизни, была экспертом по взаимоотношениям со “свекровками” и прочей родней мужа, включая и бывших жен. Веселая сплетница, болтливая переносчица, она была уверена, что все эти малыши без ее патронирования — должны так и называлась “патронажная сестра” — плохо бы выросли. Никаких фасонов взращивания, кроме своих собственных, она не признавала. Имя доктора Спока выводило Таисию из равновесия.

Из всех “мамочек” больше всего она любила таких, как Нора — одиноких, первородящих, без материнской опоры. Нора была просто идеалом: по причине послеродовой слабости она берегла силы на выживание и Таисиной науке не сопротивлялась. К тому же у Норы был опыт работы в театре, где актеры, как малые дети, вечно ссорились, завидовали, ревновали, и она научилась выслушивать любую чушь с декоративным вниманием, промолчать где нужно, кивнуть сочувственно.